

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1999 г. В.А. ПЛОТНИКОВА

ДВЕ РЕДАКТОРСКИЕ ВЕРСИИ

(из истории работы над "Словарем языка Пушкина")*

Мысль о создании "Словаря языка Пушкина" (далее – Словарь) возникла у русских филологов очень давно. Примерно сто лет тому назад – в 70–80-х годах прошлого века была предпринята не имевшая успеха попытка составления такого словаря под руководством академика И.И. Срезневского.

В декабре 1898 г. известный московский адвокат князь А.И. Урусов, напоминая о предстоящем столетии со дня рождения А.С. Пушкина, писал в газете "Биржевые ведомости": "Для изучения поэта, его психологии, его темперамента, его гения нужно, между прочим, основательное знание его языка, нужно знать запас слов, как материал его мыслей. Вот почему для Шекспира, Шелли и др. давно уже составлены специальные словари. Такие словари дают материал для интереснейших работ о богатстве языка того или другого поэта. Следовало бы предпринять ту же работу для Пушкина". Предложение Урусова встретило сочувствие, было намечено напечатать к пушкинскому юбилею первый выпуск словаря (букву "А"). Но ... составление словаря не осуществилось.

В течение XX века было сделано также несколько попыток осуществить создание словаря, но успешного продолжения они не имели.

Последовательная работа над "Словарем языка Пушкина" началась только в 1945 г., когда в Институте русского языка была организована Группа Словаря. Главой и руководителем небольшой группы стал профессор доктор филологических наук Г.О. Винокур, посвятивший многие годы пропаганде и подготовке Словаря.

На основании Полного собрания сочинений Пушкина (1937–1949) была составлена картотека всех употребленных поэтом слов (кроме имен собственных; исключение было сделано только для имен мифологических богов и библейских героев). В 1947 г. в разгар подготовительной работы скончался Г.О. Винокур, инициатор издания, отдавший в общей сложности делу Словаря пятнадцать лет жизни, но так и не увидевший осуществления своих замыслов. После смерти Г.О. Винокура фактическим руководителем группы стал В.Н. Сидоров, а общую работу над Словарем возглавил В.В. Виноградов, ставший одновременно ответственным редактором всего издания.

В 1951 г. первый том "Словаря языка Пушкина" – давняя мечта филологов, писателей и русской общественности, был готов. В этот том были включены слова на буквы "А – Ж". Редактором тома была назначена И.С. Ильинская.

В главную редакцию Словаря вошли крупнейшие филологи-пушкинисты и лингвисты, многие из которых принимали участие в подготовке и издании Собрания сочинений Пушкина в 16-ти томах (1937–1949 г.). Это – академик В.В. Виноградов, ответственный редактор, член-корреспондент АН СССР С.Г. Бархударов, член-корреспондент АН СССР Д.Д. Благой, доктор филологических наук Б.В. Томашевский. Кроме того,

*Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 99-04-00198а

Издательством "Наука" был приглашен в качестве редактора профессор доктор филологических наук С.М. Бонди.

На всех редакторах (от редактора тома – до ответственного редактора) лежала большая ответственность. Готовился к выходу в свет первый том Словаря языка писателя, по содержанию которого специалисты-пушкиноведы, филологи, преподаватели и все читатели Пушкина должны будут судить о пользе и значимости Словаря, о его необходимости для лучшего понимания произведений Великого поэта.

Основная редакторская работа легла на редакторов томов: редактором 1-го тома была И.С. Ильинская, 2 и 3 томов – В.Н. Сидоров, 4-го тома – А.Д. Григорьева.

Академик В.В. Виноградов в силу большого объема научной и административной работы (академик-секретарь Отделения, директор института, руководитель отдела) не мог регулярно участвовать в чтении и редактировании словарных статей. Большую и постоянную помощь составителям и редакторам Словаря оказывали Б.В. Томашевский, к сожалению рано умерший (в 1957 г.), и особенно С.М. Бонди, прочитавший внимательно все четыре тома.

Определение редакторской работы Томашевского и Бонди как двух версий скорее можно считать условным, потому что в отношении редакторов к тексту Пушкина и к толкованиям слов было много общего. И Томашевский, и Бонди были прекрасными знатоками и исследователями Пушкина, его жизни и творчества, оба они были также великолепными текстологами, и при подготовке Полного собрания сочинений много работали над рукописями Пушкина. Труды Томашевского и Бонди над произведениями Пушкина, его стихом, его литературными связями и окружением, их многочисленные книги и статьи, посвященные Пушкину и пушкинской эпохе, вошли в классический фонд не только отечественной, но и мировой Пушкинианы.

Требования к точности словарных определений, самой схеме словарной статьи, выделению оттенков значений и метафорических употреблений, рекомендуемому подбору цитат, их объему и количеству у обоих редакторов во многом были сходны.

Б.В. Томашевский строже подходил к объему определений, дифференциации значений и оттенков слов; сказывалась пройденная им лексикографическая школа при составлении словаря Д.Н. Ушакова. В "Записке", присланной в Словарь после редактирования 2-го тома (буква "И"), Б.В. Томашевский четко изложил свои замечания и пожелания. "На мой взгляд, – писал он 27.IX.1951 г., – основные вопросы решены правильно и никакой ломки производить не следует. В основном мои пожелания следующие:

1. Несколько сократить в числе и объеме определения значений. Их следует давать лишь для дифференциации частных значений и оттенков.

2. Практическая полезность толкования слов, якобы непонятных современному читателю, мне не вполне ясна. Мне кажется, что в таких случаях следует выбирать такие цитаты, которые дают представление, в каком значении употреблено слово. В частности мифологические и библейские имена не следует комментировать.

3. В определениях следует избегать слов, резко выпадающих из стиля эпохи Пушкина (*использоваться, выявлять* и т.п.).

4. Должна быть большая определенность в выделении в качестве самостоятельной словарной единицы причастий. В частности, неясно, почему, выделяя некоторые причастия, авторы словаря дают другие причастия под инфинитивом, хотя у Пушкина ни в инфинитиве, ни в какой-н. личной форме это слово не встречается. Показания словарей не могут служить верным основанием, так как авторы словарей всегда имели склонность к образованию производных форм независимо от реального их применения в живой речи".

С.М. Бонди, в отличие от Б.В. Томашевского, стремился не только истолковать то или иное слово или оборот, но и как можно полнее "раскрыть" нам Пушкина, поэта и человека, дать представление о том, почему, в силу каких причин или конкретной ситуации поэт употребил именно это слово или образ. С.М. Бонди приводил обширные цитаты, предлагал изменить систему оттенков, не всегда в сторону их сокращения, и

не чуждался энциклопедических толкований. В своем желании помочь нам (и будущему читателю) как можно лучше понять тексты произведений Пушкина Бонди широко использовал "вспомогательный материал": приводил цитаты из произведений поэтов-современников, пародии на произведения Пушкина, отрывки из писем и даже непопулярные в то время – т.е. в 50–60-е гг. XX в. – цитаты из молитв, без которых, по мнению Бонди, текст не мог быть до конца понят.

Но в ряде толкований и особенно в определениях терминов поэтики и риторики Томашевский и Бонди были солидарны.

Замечания Б.В. Томашевского отличались краткостью и четкостью, иногда не лишенных иронии.

Приведем в качестве примеров ряд предлагаемых Б.В. Томашевским толкований и уточнений, подавляющее большинство которых было принято составителями и вошло в текст Словаря.

«**ИГЛА** 2.¹ Мне кажется, что русское слово *игла* не употребляется в значении "шпиль". Это у Пушкина или метафора или галлицизм *aiguille*. Поэтому не лучше ли написать: *О шпилье здания*. Общее определение 'инструмент для рукоделия' мне кажется неудачным. Можно вообще без него (как "иголка") или пояснить словом "швейная".

ИГРЕЦКИЙ. Не просто для игры, а обязательно для азартной.

ИЕРАРХИЯ – не совокупность просто, а по старшинству чинов. Верно и Татищев не просто перечислял чины, а указывал, который старше.

ЗАКОРЕНЕЛЫЙ / *О хронических болезнях*. "Иван Петрович [Белкин] осенью 1828 года занемог и умер, несмотря на неусыпные старания уездного нашего лекаря, человека весьма искусного, особенно в лечении *закоренелых болезней*, как то мозолей и тому подобного".

Все-таки надо отличать иронический оттенок. Пушкин играл на этимологии, внося мозоли в число *закоренелых болезней*. Вообще он здесь расшутился (выражение Б.В. Томашевского. – примеч. В.П.).

ИДЕАЛ. Что такое в "реалистическом понимании"? Как это *понимать*? Непонятно. Автор, понятно, хотел кому-то сделать приятное. Но читатели за подобные определения будут поминать лихом авторов.

Воплощение представления о прекрасном, совершенном, и художественный образ, воплощенный в литературном герое, следует поставить рядом. Это едва ли не одно и то же. Первое определение мне кажется неверным. Речь идет о литературных героях (преимущественно положительных).

ИСТОРИОГРАФ – не то же, что историк. Это звание. См. Словарь Брокгауза ("звание лица, которому правительством поручается написание отечественной истории"). С Пугачевым Пушкин каламбурит, называя себя как бы придворным историографом самозванца. В первом примере историограф – Карамзин (которому было присвоено это звание).

ИЗОБЛИЧАТЬ. Определяющий глагол *выявлять* слишком современен и звучит как анахронизм, вроде *использовать*.

Я думаю, здесь два оттенка: *обнаруживать* и *разоблачать*. Вообще же в этом глаголе и соответствующих (*изобличать* и возвратные формы), надо кроме того различать *изобличать что* (недостаток, качество, преступление) и *кого* (автора, злодея). При этом по значению *обнаружить* можно только *что*, а по значению *разоблачать* и *что* и *кого*.

ИЗУМИТЬ. Не следует ли примеры и формы *изумленный* выделить в особое слово и рассматривать как прилагательное? Ср. *изнеженный, изысканный*. Во всяком случае

¹При подаче замечаний к Словарю Б.В. Томашевским и С.М. Бонди мы пользуемся принятыми в редакции правилами шрифтовых выделений (примеч. – В.П.).

необходима хотя бы ссылочная статья под словом *изумленный*. Слова *изнеженный* и *пр.* даны отдельно, конечно, не потому, что у Пушкина нет примеров с инфинитивом или личными формами. Ср. *импровизировать*, где у Пушкина только пример с *импровизированный* (и м.б. невозможен инфинитив и личные формы).

ИЗУМИТЬСЯ. Опять пример с *изумленным* (*ничтожные наследники*). В данном случае едва ли не единственный случай, где выступает значение страдательного причастия (*изумленные блеском*), но ведь *изумиться* – не есть страд. глагол, и пример надо включить в *изумить*. Здесь и пример и форма.

ИЗЪЯСНИТЬ. Почему *толково*? Некоторые определения словаря опровергают это.

ИН. Определение неточное. Желательность указывается инфинитивом, а не словом *ин*. У Ушакова и Даля – (*иной*) определяется лучше (*ин* – скорее: *но, однако, пускай*). За пределами примеров из Пушкина возможно *ин* с повел: *Ин будь по-твоему*.

ИСКУСНО. Оттенки слишком неуловимые. Так во втором оттенке особенностью является только то, что вся фраза – ироническая. Но *самое слово* употреблено в том же значении, что и в первых двух примерах. Неясно и выделение примера с Шуйским. Мы знаем, что Шуйский был хитер, и следовательно в его понимании *умело* равносильно *хитро*. Но это касается Шуйского, а не значения слова *искусно*.

ИСКУСНЫЙ. Разделение оттенков по определяемому: о человеке или о действии, а не по содержанию значения. Про *искусные доводы* тоже можно сказать – *умелые*. Вообще это не первый случай, когда эпитет без видимого изменения значения прилагается и к действующему и к действию. Здесь надо выработать определенное правило разделения словоупотребления, а не пытаться разными словами определять одинаковое содержание эпитета.

ИСПОВЕДЬ. Пример *жадно читает...* неверно истолкован. Дело идет о модных тогда автобиографических произведениях типа Confessions Ж.Ж. Руссо. Следовательно, этот пример надо в раздел названий».

Б.В. Томашевский не допускал модернизации. Подобную модернизацию он увидел в толковании слова **ИМЯ** "личное название человека, данное ему при рождении" (гротом), так он пишет: «определено очень плохо. Имена дают не при рождении, а при крещении (или соответствующей регистрации), а у католиков при конфирмации, а то и другое бывает часто далеко не при рождении. Иногда меняют имя в преклонном возрасте. Отличительным названием может быть и **прозвище** и **кличка** и какая-нибудь должность, существующая в единственном числе (напр. *дуче, фюрер*), а напр. *наследник* или *кронпринц* давалось и при рождении. Надо подумать о более ясном определении (подчеркнуто В. Виноградовым. – В.П.). Пример *Прадед мой...* сюда не идет: Пушкин думал не о личном имени *Петр*, взятом из святцев (такое имя в применении к разным лицам возможно было произносить и не с уважением). Пушкин думал о Петре Великом. Определение **Всякое характеристическое прозвище...** неверно: справедливо только для Булгарина. Пушкин говорит об именах (не прозвищах) литературных персонажей, которые могут быть и не **характеристическими**. Следующее определение тоже неудачно. Напр. когда речь идет о Пушкине и Измайлове, то имеются ввиду только фамилии: Пушкин имеет в виду еще случай, когда эти фамилии встречаются вместе: "Другой Пушкин, во время междоусарствия, начальствуя отдельным войском, один с Измайловым, по словам Карамзина, *сделал честно свое дело*" (т. 12, стр. 311, Начало автобиографии).

М.б. первое определение не искать, а сказать: "собственно имя в противоп. отчеству и фамилии", а затем "личное имя включая отчество и фамилию", а затем "только фамилию". Или "личное наименование литературного персонажа". И пр.

ИСТИНА. Думаю, что слово *истина* не требует определения вообще; литературный оттенок вполне определяется контекстом, т.е. мы имеем здесь примеры общего значения, а не новый оттенок значения. Во всех случаях, приведенных Вами, *истина*

значит "подлинность", в противоположность *фальши*. Во всяком случае прав С.М. Бонди, отвергая в определении слово *правдоподобие*, которое для Пушкина имело другое значение, – достаточное основание к тому, чтобы вообще не употреблять этого слова в определении».

Б.В. Томашевский считал излишними упоминания и толкования мифологических, и, особенно, библейских имен и отдельных священных предметов, а также этимологические справки при устаревших словах. Так:

«**ИИСУС.** Зачем выписка из Священной истории. Подобные выписки превращают словарь в некоторой его части в краткий курс библейской истории. Мне кажется, что также надо сократить и мифологические справки. Ср. *Икар*. Словарь не энциклопедия. То же *иконостас*.

ИУДА – опять выписка из Священной истории.

ИОВ, ИОСИФ – опять лекции по Священной истории».

И лишь один раз (в сохранившемся в нашем архиве тексте) Б.В. Томашевский замечает при слове *избранный*: «Следовало бы отделить и объединить все случаи, где фразеология связана с библейской цитатой ("мало", "малое количество")». Имеется в виду цитата из Евангелия от Матфея: "ибо много званых, а мало избранных" (гл. 22, с. 14)².

Читая словарные статьи на букву "И", Томашевский указал на ошибку в издании сочинений, обнаруженную им в тексте юношеского стихотворения Пушкина "От всенощной вечор идя домой Антипьевна с Марфушкою бранилась".

«**ИДТИ.** Пример "От всенощной вечор...". В моей книжке "Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения" 1925, на стр. 69 говорилось: "Но еще менее надежным материалом являются многие мемуары... вроде воспоминаний Л. Павлищева, и даже воспоминаний Пуцина, не устоявшего перед соблазном приписать Пушкину чьи-то – вероятно свои собственные – вирши". Я имел в виду именно стихотворение "От всенощной..." Оно показалось мне фальшивым, когда я занимался пятистопным ямбом Пушкина, и это стихотворение "не лезло" в картину применения этого размера в разные периоды творчества Пушкина. Теперь обнаруживается, что форма "идя" встречается единственный раз именно в этом стихотворении, что еще больше утверждает меня в убеждении, что данные стихи Пушкину не принадлежат. М. б. сделать осторожное примечание под строкой».

Б.В. Томашевский отрицательно относился к этимологическим справкам при архаичных словах, а также к обширным энциклопедическим толкованиям. Так по поводу слова *исчадь* ("Порождение следствие чего-н.: о ком-чем-н., вызывающем отвращение, ужас"). "Почему *перенос*, – спрашивает Б.В. Томашевский. В другом значении слово не употребляется. Пушкин не виноват, что вы даете этимологическое определение. Мало ли русских слов, особенно из ц.-сл. утратило первоначальное реальное значение и приобрело в качестве основного то, которое некогда было переносным. Словарь не должен заниматься палеонтологией языка. Кроме того не отмечен бранный оттенок".

Недоумение у редактора вызвал вопрос И.С. Ильинской, как толковать сочетание *карта любви*. "Ума не приложу, зачем Вам *карта любви* для словаря Пушкина. Добро бы это были слова самого Пушкина; а то это пересказ А. де Виньи, который в свою очередь пересказывает Скюдери". Затем Томашевский подробно передает содержание эпизода, где фигурирует *карта любви*. «Итак, в романе Виньи Скюдери показывал действительно карту, составленную по роману "Клелия". ... Судя по данным словарей, к роману рисованной карты не прикладывали, а просто в самом романе описывается, как древние римляне рисовали географическую карту любви. При этом карта эта так подробно описана, что любителям не трудно было ее начертить. Во всяком случае это

²См. "Нас мало избранных, счастливых праздных, Пренебрегающих презренной пользой, Единого прекрасного жрецов" (А. Пушкин. Моцарт и Сальери).

действительно карта, а не что-нибудь иное, по типу географических карт, хотя и выдуманная, причем выдуманная в качестве аллегорической. Мне кажется, что никакого нового значения данный случай не предполагает». Следуя рекомендации Б.В. Томашевского, мы не стали толковать сочетания *карта любви*³.

Однако Б.В. Томашевский подробно охарактеризовал представление под названием *Собачья комедия*: «"Собачья комедия" есть род представления, в котором роли исполняют собаки (дрессированные). До изобретения кино подобного рода развлечения пользовались успехом, а так как предприниматели принадлежали к частному сектору, то прибегали к методам рекламы, отражавшимся на системе словесных выражений (стиле) афиш"».

Исправляя нашу ошибку при определении такого события как *Испанская война* и времени, когда она происходила, Томашевским была дана исчерпывающая справка: "**Испанский.** *Испанская война* – это не война за Испанское наследство. Война за Испанское наследство окончилась в 1713 г. Утрехтским миром. Война, о которой пишет Пушкин, происходила в 1719 г. Филипп V испанский и его министр Альберони не пожелали подчиниться условиям Утрехтского мира. Тогда составил четверной союз (Франция, Голландия, Англия, Австрия) и после непродолжительной кампании побежденная Испания подписала предложенные ей условия, а Альберони был отставлен. Это и есть Испанская война, в которой принимал участие Ганнибал».

Исправил Б.В. Томашевский ошибку и в названиях произведений (он требовал здесь большой точности), например: «"**Испанские сказки**" – не произведение Мюссе, а его сборник. Точное его название *Contes d' Espagne et d' Italie*».

Большей частью краткий в определениях, Б.В. Томашевский был гораздо свободнее и "словоохотливее" в письмах. Мы уже приводили выдержки из ответов на письмо И.С. Ильинской ("карта любви") и А.Д. Григорьевой ("собачья комедия"). Так в письме И.С. Ильинской он писал: «Почему *варвар* "стоит на крайне низкой ступени". Это будет уже не *варвар*, а *дикарь*. Варварами называли всех не греков и не римлян (что мы называем представителями капиталистического мира), в общем враждебных к цивилизованному миру и отличавшихся более грубыми нравами, чем утонченные носители высшей мировой цивилизации. Но пример из послания Жуковскому, где Пушкин своих варваров называет врагами, предлагает их разить, относится, конечно, к случаю переносного применения первого значения. Пушкин вовсе не проповедовал истребления невежд, и вероятно склонялся к тому, что невежд следует просвещать, а не избивать. Здесь шишковисты рассматриваются как скифы, враждебные к просвещению, проповедники вооруженного похода против Карамзина и его почитателей.

А в слове *гад* может быть и не мешало намекнуть на необычное значение».

Отвечая на письмо А.Д. Григорьевой, спрашивавшей о влиянии на Пушкина стихов Дениса Давыдова, Б.В. Томашевский пишет: "Стихи Пушкина основаны на соответствующих стихах Дениса Давыдова:

Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет...

(Песня старого гусара, 1817)

или:

Нутка, кивер набекрень
И – ура! Счастливый день!

(Бурцов, 1804)

³Аллегорическая *карта любви* была в ходу в конце XVIII – начале XIX в. О ней упоминается в романе Л.Н. Толстого "Война и мир": "Я думаю, никто так не был *courtisée*, как она (Наташа, – В.П.), – говорила Вера, – но никогда, до самого последнего времени, никто серьезно ей не нравился. Вот вы знаете, граф, обратилась она к Пьеру, – даже наш милый *cousin* Борис, который, был *entre nous*, очень и очень *dans le pays du tendre*... – говорила она, намекая на бывшую в ходу тогда *карту любви*" (Л. Толстой. Война и мир. Т. II, гл. LVIII, М.; Л. 1929).

У Давыдова *эпитета* (речь идет об эпитете *жестокой*. – В.П.), нет, но нужно думать, что Пушкин берет его из фразеологии того же Давыдова. Напомню:

Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!

(Там же).

или:

Пунш жестокий!... Хор гремит!

(Гусарский пир, 1804).

По-видимому в гусарской фразеологии *жестокий* означало предельную степень для вещей острых, ухарских и пр. (вроде *страшный*, *ужасный* и т.п. в обычной фразеологии). Думаю, что это не совсем то, что романс, где этот же эпитет становится в ряд с сентиментальными эпитетами и не лишен родства с такими словами, как *тиран* и т.п.».

Полное согласие отличало Томашевского и Бонди при определении терминов и понятий, имевших отношение к риторике, поэтике и стихосложению. Следует заметить, что большая часть терминов из-за смерти Б.В. Томашевского в 1957 г., когда шла работа над 2 и 3 томами, была определена С.М. Бонди. Им обоим принадлежит толкование следующих слов *ироида* и некот. др.: *изобретение*, *общие места*, *интерес*.

«**ИРОИДА.** Определение не совсем точное. Остолопов определяет *Ироиду* или *Героиду* так: "Героида есть письмо, или послание о несчастных любовных приключениях". Она пишется не от имени сочинителя, а от одного известного и знаменитого лица к другому такому же. Остолопов забыл отметить, что пишущее знаменитое лицо и является героем несчастного приключения.

ИЗОБРЕТЕНИЕ. По поводу *изобретения* думаю, что прав С.М. Бонди. Мы теперь называем это *замыслом*, иногда *сюжетом*, понимая эти слова в самом широком смысле (т.е. сюжетное и образное содержание) иначе трудно понять противопоставление *изобретения* – *плану*, *расположению* и т.д.

ИНТЕРЕС 2. Вряд ли определение точно. Когда Пушкин говорит о *единстве интереса*, он употребляет терминологию поэтики конца XVIII века: *unité d' intérêt*. Энциклопедисты, настаивавшие на *единстве интереса*, определяли *интерес* главным образом как сочувствие читателя к изображаемому персонажу и его действиям. Вот как определяет термин *интерес* Мармонтель в своих началах словесности (*Eléments de littérature*): "Расположение (*affection*) души, которым она дорожит и которое привязывает ее к своему предмету. В повествовании, картине, в сцене, вообще в произведении ума, это волнующее влечение, вызываемое им в нас, или удовлетворение, которое мы испытываем, будучи взволнованы любопытством, беспокойством, боязнью, жалостью, восхищением и т.д." Следовательно – интерес в художественном произведении – не просто занимательность или увлекательность, которые обычно связываются с запутанностью авантюрного сюжета, а не с эмоциями, возбуждаемыми судьбой персонажей, которым мы сочувствуем.

Что касается *общих мест*, то я бы ограничился определением "термин теории литературы", не рискуя его определить подробнее. Я не помню места, где у Пушкина фигурируют *общие места*. Ваше определение страдает неясностью и избыточностью. *Общие места* Аристотеля, Квинтиллиана, Цицерона, насколько мне известно, состояли в общих принципах доказательств. Пушкин узнал этот термин на уроках Кошанского. В его "Риторике" и следует искать то определение, которое было известно Пушкину. Мог, конечно, Пушкин обращаться и к Ломоносову. Ваши источники к делу не имеют отношения. Но разыскания такого рода – не лексическое занятие, а скорее энцикло-

педическое. Не ваше дело вскрывать содержание сложных понятий и их эволюции». (Отрывок из письма к И.С. Ильинской от 10.III.1957 г.).

Б.В. Томашевский и С.М. Бонди совместно с редакторами томов определяли понятия *народный, популярный, классицизм, романтизм*.

Интересно отметить, что, по убеждению Б.В. Томашевского, Пушкин включал в число искусств только четыре: музыку, живопись, скульптуру и архитектуру. Литературу он выделяет помимо искусств.

Большая часть терминов определена была С.М. Бонди. При чем это не были обязательно строгие предписания, а скорее советы, соображения, рекомендации. Некоторые из них, особенно относящиеся к стихосложению, могли сопровождаться конкретными примерами из произведений других авторов не только пушкинского времени.

«**РАЗМЕР**. Нехорошо определено стиховедческое значение слова *размер* (3). Я бы определил так: "Традиционное ритмическое строение стиха, метр".

РАССКАЗ. Я думаю, что в этом примере ...слово *рассказ* употреблено не в значении "небольшое художественное произведение повествовательного характера, а в значении "о манере, способе повествования" (речь идет о "Модной жене" И.И. Дмитриева. – В.П.). Ведь "Модная жена" – не **рассказ** в обычном смысле, а стихотворная, шутливая повесть, "сказка", как тогда говорилось (подражание "сказкам" – не басням: [contes] Лафонтена). *Образцом рассказа*, как жанра, Пушкин никак не мог ее назвать. "Рассказами", как видно даже из Ваших примеров, он называл повести Гоголя, повести Павлова – все это рассказы и в нашем смысле. "Модная жена" – "Образец шутивого рассказа" – т.е. легкого и шутивого повествования", "легкой... манеры повествования".

РИТОРИКА. В определении следует добавить "и литературы". В тогдашние "Риторика" входило все, что теперь относится к "теории литературы", "теории словесности" – за исключением стиховедения, которое входило в "Поэтику". Кстати и примеры об этом не говорят: речь идет не о красноречии и ораторстве, а о тропах и фигурах в "Евгении Онегине" и т.п. Ср. также все примеры к слову *риторический*.

РОМАН. Пример об "Истории Карамзина" – не подходит под определение ("О занимательном, увлекательном чтении"). "Требовать романа в истории" по Пушкину значит – требовать **вымысла**, интенсивной **выдумки** (см. определение Пушкина в статье о "Юрии Милославском" ... – "под словом *роман* разумею историческую эпоху, развитую в **вымышленном** повествовании". А в требовании занимательности, увлекательности в чтении **Истории** – ничего нет ни "нового, ни смелого". Вот так Пушкин сам говорит о "занимательности", "увлекательности" той же "Истории Карамзина" в письме к Жуковскому" (17 авг. 1825 г.): "Что за чудо эти два последние тома Карамзина! Какая жизнь! C'est palpitant comme la gazette d'hier..."

СКАЗКА. В определении, по-моему, непременно надо убрать слова "часто с фантастическим сюжетом!" Во-первых, **большинство примеров** этому противоречит, а во-вторых (и это главное!), если для нас это слово непременно ассоциируется с обычными (для нас!) сказками ("волшебными"), то для Пушкина ("и его современников") – этих ассоциаций **нет вовсе!** Видимо, это для него просто перевод французского *conte*, которое по крайней мере в те времена значило просто *рассказ* – ср. *сказки* Лафонтена, в которых, в отличие от его басен (fables) нет ничего фантастического [зато много неприличного].

СОНЕТ. Неточное и непонятное для незнающего определение. К тому же в **итальянском** сонете, о котором говорится в первых двух примерах (Данте, Петрарка) четверостишия имеют **разные** рифмы. Лучше что-нибудь в роде: "Стихотворение в 14 строк с определенным строением: два четверостишия (иногда с одинаковыми рифмами) и затем за ними два трехстишия".

СОЧЕТАНИЕ. Определение значения 2 неправильно: это **стиховедческий термин**, обозначающий чередование мужских рифм (т.е. требование, чтобы вслед за парой

стихов с **мужской** рифмой непременно следовали стихи с **женской** рифмой (а не опять с мужской, хотя и другой)]. Это со времен Тредьяковского (1735) называется у нас сочетанием стихов – (по-французски – **mariage des vers**) – вот откуда каламбур Пушкина о "холостой" рифме.

СТРОФА. Определение не очень хорошее. Лучше что-нибудь вроде: "Повторяющаяся в стихотворении группа стихов определенной метрической композиции". Длинно, коряво, непонятно – но, по крайней мере, точно". Объединение "**по содержанию**" – не обязательно в строфе (Это выдумка Тимофеева!).

ТЕМА. Не очень хорошее определение (хотя и взято из Ушаковского словаря): "Предмет, занятие... значит это предмет материальный, вещь? Содержание – это слово гораздо объемнее темы". Содержание "Евгения Онегина" не совпадает с его темой.

"Изложения, рассуждения, беседы (?) А художественное произведение? Импровизация? Надо как-нибудь иначе. Сейчас не могу придумать. Может быть, что- н. вроде "Общее (или "обобщенное") обозначение основного содержания и т.п.?" Нет, тоже плохо! А, может быть, не надо определять? Просто (о литературном произведении и т.д.).

В "оттенке" ("О записке, содержащей тему" ...надо не "изложение" (это же импровизация итальянца!) а художественного произведения.

ТРИОЛЕТ. Определение строения триолета и неточное и даже неверное. В триолете его все рифмы могут располагаться по-разному. (напр. абба абаб или абба бааб), но главное, что стихи 1-й, 4-й и 7-й буквально **повторяются** целиком, также буквально повторяются стихи **второй и восьмой**. У меня нет под рукой текстов, но я случайно вспомнил один плохонький триолет Ф. Сологуба, написанный по случаю гибели в автомобильной катастрофе маленьких детей Айседоры Дункан (танцовщицы):

Плачьте, дочери земли!
Плачьте горю Айседоры!
Отуманьте ваши взоры!
Плачьте, дочери земли!
Счастье вы не сберегли
Той, что нежно тешит взоры.
Плачьте, дочери земли!
Плачьте горю Айседоры!

Всего этого рассказывать в Словаре не нужно. По-моему, достаточно сказать: "Род" (или "вид") стихотворения в 8 строк очень искусственного и стеснительного строения – что-нибудь в этом роде.

ЦЕЛЬ. Определение **литературного** значения слова *цель* неточно; не столько "задача", "назначение" (т.е. *цель* в **нашем** смысле) – сколько **идея** произведения. Очень прошу Вас в Вашем определении **прибавить** и это слово!!!».

С.М. Бонди приступил к редактированию первого тома "Словаря языка Пушкина" позже, когда шли уже гранки, и поэтому его замечания вначале не так обширны и обстоятельны, как замечания, на те словарные статьи, второго, третьего и особенно четвертого томов, которые он читал в машинописи.

Составление словаря языка писателя было делом новым. И нам, начинающим лексикографам и юным пушкинистам, многое казалось значительнее, чем на самом деле или, наоборот, проще. Поэтому мы или оставляли без внимания особенности употребления или, наоборот сообщали большую значимость вещам обыкновенным, будничным. В глаголе *бросать* мы выделили оттенок *сбрасывать (об одежде)* "Плащи *бросают* два врага" *ЕО VI XXIX. 10.* "Нет! – пишет Бонди, ни в том дело, что они сбрасывают с себя плащи для удобства движений. Эти плащи (или шинели) **служат барьерами** (отмечают расстояние, ближе которого они не имеют права сходитьсь). Так

что здесь *бросают* – в самом обычном смысле, как они могли бы *бросить* (на землю) для этой цели палки или ножны шпаг".

В статье **Видок** мы даем оттенок // *В нариц. употр.* (о нечестном, аморальном человеке). «Нет! – возмущенно пишет Бонди, не о "нечестном, аморальном", – а о **правительственном шпионе** – с прямым намеком на Булгарина и его журнальные статьи против Пушкина».

«3. *Быть вожатым* (глагол *водить*). "Неясно во всех трех случаях – (в тексте поэмы "Цыганы". – В.П.) – *водят медведя*, между тем слово *вожатый* – значит совсем другое. Нужно или "быть поводырем" – или подробнее: В соч. *водить медведя* ("показывать за плату дрессированного медведя")».

«**ВОЗВЗАНИЕ**⁴ – "это и есть документ" – пишет С.М. Бонди. Воззвание Императора Ал. I к жителям Москвы числа 8–10-го июля (точно не помню) 1812 г."

ВОЗМУТИТЕЛЬНЫЙ – "Нет, кажется и здесь слово *возмутительный* обозначает не 'ужасное, вызывающее негодование' (как мы употребляем это слово) и не 'выражающее недовольство' (???), 'выражающее возмущение' (??) – чем же возмущается Пушкин? Что его должно было приводить в возмущение (понимая это слово в нашем смысле, как крайнюю степень "недовольства", "негодования")?? Нет! и здесь *возмутительный* значит – 'мятежный, революционный'; *возмутительное упрямство* – это упрямство, упорство мятежника, революционера".

ДЕВЯТЫЙ – По-моему, **неверно** определено выражение *девятый вал* (имеется в виду текст "Пора: перо покоя просит; Я девять песен написал; На берег радостный выносит Мою ладью девятый вал (*ЕО Пут.* Введение. – В.П.) – Буря – не причем. Просто нечто вроде приметы (безусловно неверной), что во время прибоя девятая волна самая высокая, сильная. Пушкин именно это и имеет в виду. Никакой бури у него нет, а просто самая сильная высокая девятая волна ("*Девятая песнь ЕО*") выбрасывает его лодку на берег, где она и остается (т.е. "плаванье" кончено, роман окончен). **Вот какой здесь образ**».

Замечания С.М. Бонди касаются не только толкования отдельных слов произведений Пушкина, но часто сопровождаются примечаниями, вводящими читателя в те условия и обстоятельства, которыми вызваны те или иные выражения, обороты, объяснения.

Когда читаешь редакторские замечания С.М. Бонди, то создается впечатление, что ты знакомишься с жизнью Пушкина, его литературным окружением, с его взглядами на происходящее, его политическими пристрастиями.

«**НАМЕРЕНИЕ**. Не очень понятно обозначение при примере из письма к Вяземскому по поводу "Андр. Шенье": "Желание, стремление". Что это значит? Что Вяземский должен судить о элегии Пушкина по желанию (собственному?), как он хочет? Или по пушкинскому стремлению? А что это значит? Стремление **к чему?** Желание **чего?**

На самом деле, смысл этого выражения такой: здесь Пушкин намекает на известное, популярное правило иезуитов. "Цель оправдывает средства". Он просит снисхождения к художественному несовершенству ("средству") своей элегии и просит судить о ней по скрытой в ней идее ("цели", "намерения"). А. Шенье – это сам Пушкин, а гонитель его Робеспьер – Александр I [Недаром, когда Пушкин узнал о неожиданной смерти Александра, он, вспоминая стихи из своей элегии ("Пей нашу кровь, живи, губя... И час придет... и он уж недалек: падешь тиран!... Теперь иду... пора... но ты ступай за мною..."), писал Плетневу 4.XII.1825 г.: "Я пророк, ей Богу пророк! Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами...."].

Так что, по-моему, определение должно было бы быть приблизительно такое: "цель какого-либо действия" или что-н. в этом роде".

⁴ Первоначально в Словаре это слово было отнесено к оттенку первого значения: "призыв к чему-н.", а не ко второму значению – "документ, заключающий обращение".

НАСТОЯЩИЙ. Эти слова Пушкина я прежде всегда приводил в доказательство опасности биографического толкования лирики Пушкина, т.е. понимал их так же, как и Вы. – А сейчас мне кажется, что это ошибка, что здесь *настоящие* употреблено в **1 значении**, т.е. мы можем думать, что поэт изображал в оде, элегии – свои **теперешние сегодняшние** чувства и обстоятельства, в которых он теперь, сейчас находится. А между тем (как говорил не раз Пушкин) в лирике выражаются часто чувства, уже давно пережитые и воспроизведенные по памяти. Напр.:

Бывало, милые предметы
Мне снились, и душа моя
Их тайный образ сохранила;
Их после Муза оживила

Но я, любя, был глуп и нем.
Прошла любовь, явилась Муза,
И прояснился темный ум.
Свободен, вновь ищу союза

Волшебных звуков, чувств и дум (ЕО I, LVII, LVIII, LIX).

ПРИМИРИТЬ. Пример из Полтавы ("...с небом примиренный...") – особый. Это не значит, что Кочубей перестал "Испытывать неприязнь к небу, недовольство небом" – он **никогда этого не испытывал**: "Примириться с Небом" – значит: исповедаться и причаститься – и тем самым получить от Неба (от Бога) прощение всех своих грехов. Уверяю Вас, что это так – и не как-нибудь иначе!

РАЗБОЙНИК. Надо указать в примере из Письма Л.С. Пушкину от 13.VI.1824 ["посылаю ему (Шишкову) лобзание не яко Иуда-Арзамасец, но яко Разбойник-Романтик"]⁵, что это измененная цитата из молитвы, читаемой перед причастием ("Верую, Господи, и исповедую"... "Не лобзание ти дам, не яко Иуда, но яко разбойник исповедуя тя: помяни мя, господи, егда приидеши во царствие свое").

СТУПЕНЬ. Почему при указанной в самом тексте-цитате из Данте ("тяжелы ступени чужого Крыльца") не указано, что это **цитата?**».

Примечание. Эта цитата проходит через все творчество Пушкина. Первый раз она приводится в вариантах поэмы "Цыганы": "Сколь черств и горек хлеб чужой – Сколь тяжко (медленной) [ногой] Вскладать на чуждые ступени... Второй раз – в "Пиковой даме": "Горек чужой хлеб, говорит Данте, и тяжелы ступени чужого крыльца".

«ТАРКВИНИЙ. – Определение неточно, неверно. Обесчестил Лукрецию не царь Тарквиний Гордый (царствовавший с 534 по 509 г. от Р.Х.), а его **сын**, тоже Тарквиний (Секст.). Надо исправить: не "Имя последнего царя и т.д.", а "Имя **сына** последнего царя" – и далее, чтобы получилось ясно. "О младшем Тарквинии" говорит Пушкин!

ТОЧНОСТЬ. Надо добавить "иронически" Пушкин **издевается** над пародиями на его эпиграмму ("Собрание насекомых"). В "Вестнике Европы" было:

Полтава – божия коровка,
Кавказский пленник – злой паук,
Вот Годунов – российский жук,
Онегин – тощая пивка,
Граф Нулин – мелкая козявка.

⁵ Имеется в виду один из распятых вместе с Иисусом Христом разбойников, обратившийся к Иисусу Христу перед смертью со словами: "Помяни меня, Господи, когда приидеши в Царствие Твое" (Евангелие от Луки, 23.42).

Это Пушкин издевательски называет "легким остроумием". В "Моск. Телеграфе" – длинная эпиграмма (пародия) – не буду ее приводить всю... Там такие стихи:

...Я сын поэзии холодной
Вам **набрал** травок и цветов.
В тиски хохочущей сатиры
Я их когтями положил
И резким звуком смелой лиры
Их описал и иссушил.

Дальше перечисляются "Чайлд-Гарольдия", "Дон-Жуания", "Дидеротия", "финский чертополох", "Мак Германии", "горох древних эллионов" – и кончается так:

Все, все, рядком в моих листочках
Разложено, положено
И эпиграммы в легких строчках
На смех другим обречено...

В чем дело? Про что говорится? Чьи эпиграммы? Понять невозможно!

Об этих стихах Пушкин и говорит, что они "отличаются полнотою смысла и строгою грамматической и логической **точностью**?" Итак, надо добавить: *иронически*.

ТУМАННЫЙ. Определение выражения "туманная Германия" следовало бы уточнить, изменить, – в роде: "...Как центр идеалистических философских учений (или, "...идеалистической философии") и мистического романтизма? А то непонятно: неужели **всякая** философия – туман? Или **всякий** романтизм (напр. – байроновский)?

Туманна даль – это, по-моему, вовсе не "трудноопределимый"... и т.д., а просто 'покрытый, овеванный туманом', т.е. в знач. 3, (ср. *идут в дали туманной* (С₁ 24.87)). **Весь** этот образ *туманной дали* (т.е. *туман* и *даль*) является романтической метафорой.

Одним словом, в выражении *туманну* – **нет порицательного** смысла, который Вы, очевидно, ему приписываете!!

ТЬМА. Да скроется **тьма** – вряд ли обозначает "невежество". Посмотрите, как развивается эта тема в стихотворении... Да здравствуют Музы, да здравствует Разум!

Восхваляется **искусство** и, по-видимому, **наука**. Что иное может обозначать в данном контексте слово *разум*?

"Ты, солнце святое гори! "Солнце с эпитетом *святое* – это не просто восходящее сейчас солнце, а свет Разума, т.е. свет **научного** знания, "просвещения" – в отличие от ...посмотрим дальше!

Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари⁶,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума...

Здесь *бессмертное солнце ума* (т.е. ясная, несхоластическая наука) противопоставлена не **невежеству** (**отсутствию** знаний), а **ложной** мудрости, т.е. тоже **мудрости**, но **ложной**. Что это такое? Единственное значение может быть – религия, религиозные догмы, которые противопоставляются разуму, науке...

Да здравствует Солнце, да скроется тьма! т.е. "да здравствует разум, наука и да скроется ложная мудрость, т.е. всяческое суеверие..."

Я бы предложил так определить (или в таком роде): "Суеверие, религиозные догмы"...

⁶ Дело происходит на рассвете, в конце пирушки (примеч. – С.М. Бонди).

УПОКОИТЬ. Не хорошо определение. Ведь это церковный, религиозный термин относится только к **душам умерших**. Нельзя сказать: "**Упокой** меня, пожалуйста?" "Наконец он прекратил свои преследования и вполне **упокоил** меня"...

Церковное "прошение": "**Упокой**, Господи, **душу** усопшего раба твоего".

Надо бы сразу "**упокоить душу**" – и объяснить: "избавить от мук ада", "водворить в раю"...

УСТОЯТЬ. Дело вот в чем: Пушкин, узнав уже в Кишиневе, что Фед. Толстой (Американец) распускал слухи, что Пушкина **высекли** в Тайной Канцелярии, *напечатал* об нем следующие строки в своем послании к Чаадаеву:

...Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды при звезде⁷
Или⁸ философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но, просветив себя, загладил свой позор,
Отвыкнул от вина и стал картежный вор...

Вяземский в недошедшем до нас письме упрекал за это Пушкина [в чем – см. ответное письмо Пушкина о цитате из которого идет речь (от 1.IX.1822 г.)] – (а Ф. Толстой был приятель Вяземского). Пушкин, возражая Вяземскому, утверждает, что **можно** в стихах (в сатире) предъявлять и уголовные обвинения (если "не достигает меч законов"). Свои стихи (о которых шла речь) он конечно не мог назвать "горацианской сатирой, тонкой (?), легкой (?) и веселой (?)", наоборот, он и считал их **угрюмым, злым и тяжелым пасквилом** (Выше он говорит о тех же напечатанных стихах: "закидал издали Толстого журнальной **грязью**"... (примеч. – С.М. Бонди). Мы не знаем письма Вяземского, но очень вероятно, что он, упрекая Пушкина в резкости, указывал ему, как на образец для подражания на сатиры Горация. Пушкин, отстаивая свое право отвечать на гнусные сплетни печатным пасквилом, "журнальной грязью", сравнивает эти два вида сатиры – "легкую горацианскую" и "тяжелый пасквиль", отдает предпочтение последнему. "Горацианская сатира" (при сравнении) "не устоит" перед пасквилом. Т.е. пасквиль **сильнее** ее.

Итак – это переносное употребление слова в его основном значении (см. Выше определение): "выдержать напор" при состязании... Что-нибудь в этом роде надо написать...

ФАЛЕРН. Нехорошо определено! Фалерн – это не "провинция в Кампани" (что это за "Кампань" такая? Где это?), а название **вина**; в Словаре Брокгауза и Ефрона сказано: Фалернское вино (Falernum vinum) золотистого цвета, вырабатывалось в Фалернской области (в Кампании – в Древней Италии) и т.д.

Просто "Фалерном" это вино называется, если не ошибаюсь, уже у Горация, а также... у Козьмы Пруткова ("Спор древнегреческих философов об изящном"). ...Чашу с душистым фалерном...

ФИЛИСТЕР. По поводу вопросов на полях. В Вашей статье **все верно**, это не "шутливое: употребление, а, действительно, ошибочное. Пушкин в 1825–26 неправильно понимал это слово. Он даже во II главе "*Евг. Он.*" о Ленском напечатал:

...По имени Владимир Ленской,
Душой филистер Геттингенской⁹

Булгарин в своей рецензии указал ему на эту ошибку.

ШАЙКА. Выражение *холостая шайка* – это **шутливое** обозначение кутящей

⁷ Эта строчка была выпущена цензурой (примеч. – С.М. Бонди).

⁸ Из-за этого цензор заменил слово *или* словом *глупца* (примеч. – С.М. Бонди).

⁹ *Philister* – человек с узким ограниченным кругозором и ханжеским поведением; мещанин, обыватель (Совр. сл. иностр. слов. М. 1992) – (примеч. – В.П.).

вместе компании. У Вяземского есть стишки, написанные на "мальчишнике" Пушкина накануне его свадьбы. Не помню, были ли они напечатаны (кажется – да, в книге Шляпкина "Из неизданных бумаг Пушкина"). Я их видал в рукописи. Вот их начало (приличное: конец – "благой"):

Пушкин, завтра ты женат.
Холостая жизнь прощай-ка,
Об земь холостая шайка...

Так что, по-моему, этот пример, во-первых, не должен быть первым и, во-вторых, должен сопровождаться обозначением шутол., а может быть и "о веселой (или кутящей) холостой компании".... Как хотите...

ШАЛЕВЫЙ. Я думаю, что *шалевый* это не только "покрытый шалью", а речь идет о какой-то **дорогой материи**... Надо бы посмотреть (если Вы еще не смотрели) в старых словарях... Я помню такие стишки (процитированные в каком-то историческом романе – не помню, каком):

Ах, как жаль,
Что камаль
Вышла уж из моды!
Скоро шаль
И вуаль
Спрячутся в комоды.

ЯКОБИНИЗМ. Определение неверно. Иначе слова Пушкина (и Жуковского) были бы бессмысленной ложью. Полевой **никогда не проповедовал** в своем журнале "**революционные** взгляды", да еще "**крайние**". Дело вот в чем. Пушкин (и Жуковский, очевидно, да и декабристы...) резко различали **революционеров жирондистов** (напр., Мирабо), которым они **сочувствовали** (кроме Жуковского, конечно. – примеч. – С.М. Бонди), – и **якобинцев** (Марата, Робеспьера), которых они ненавидели – не столько за их "крайнюю революционность", сколько за их **буржуазный**, направленный против **дворянства** терроризм. Здесь было чисто **классовое** отношение, ненависть, которую не могли преодолеть ни "**дворянские революционеры**" декабристы, ни Пушкин; также возглавлявший все надежды именно на **дворянство** (перечитайте запись в дневнике Пушкина от 2-го декабря 1834 года).

Полевого Пушкин (и Жуковский) называли "якобинцем" за резко выраженное **антидворянское** и "пробуржуазное" направление его журнала. Полевого поддерживал Бенкендорф, потому что он помогал правительству, так сказать, "снизу" бить те остатки декабристского дворянства, которое правительство било сверху – Полевой увлекся, перешел несколько границы, и Уваров [представитель **помещичьего дворянского** влияния в Николаевском правительстве (а Бенкендорф представлял чистую бюрократию)], подобрав коллекцию "антидворянских цитат в "Моск. Телеграфе", – добился у Николая закрытия "Моск. Телеграфа"...».

Замечания С.М. Бонди различаются по объему и характеру. Это и небольшие изменения в определениях, исправления фактических ошибок, предложения новых толкований; это – и требования стилистических помет и их обоснования, и описания ситуаций, которые определили собой применение того или иного слова (особенно это касается лексики публицистики и писем). Все эти замечания, подавляющее большинство которых было нами использовано, бережно хранятся в архиве Словаря.

Ценностью Словаря, без всякого преувеличения, мы во многом обязаны заинтересованной и скрупулезной работе такого великолепного пушкиниста, каким был профессор С.М. Бонди, мечтой которого было создание такого Пушкинского словаря, который был бы не только собственно словарем, но и Комментарием, надежным ключом к пониманию произведений Пушкина.